

Русский славянофил в поисках Европы: образы России и Европы в книге «Государственные тайны Венеции» В. И. Ламанского

Алексей Малинов

Доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
Адрес: Университетская набережная, д. 7-9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 199034
E-mail: a.malinov@spbu.ru

Виктор Куприянов

Кандидат философских наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук
Адрес: Университетская набережная, д. 5, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034
E-mail: nonignarus-artist@mail.ru

Целью статьи является детальная реконструкция рецепции «Государственных тайн Венеции», главного историософского сочинения В. И. Ламанского. Приводятся отзывы на «Государственные тайны» русских и зарубежных ученых. На основе рецензии А. С. Будиловича дается подробное изложение содержания работы Ламанского. Показано, что, хотя формально сборник документов Ламанского нацелен на восстановление истории политического убийства в Венецианской республике в XV–XVIII веках, смысловой центр тяжести сборника и исторических очерков приходится на новое освещение Восточного вопроса, который сводится к проблеме отношений России и Запада. Фактография, приводимая в сборнике, ценна лишь в качестве иллюстративного материала для доказательства мысли о глубинной противоречивости отношений романо-германской Европы и греко-славянского мира во главе с Россией. В данном аспекте авторы продемонстрировали преемственность историософского подхода ранних славянофилов, прежде всего, А. С. Хомякова, и исторической методологии В. И. Ламанского: показано, что как для ранних, так и для поздних славянофилов основой исторических исследований служили проблемы, актуальные для современной культурной ситуации. В статье доказывается, что «Государственные тайны Венеции» Ламанского являются скорее политическим сочинением, призванным морально обличить европейскую политику. В этом отношении авторы рассматривают «Государственные тайны» в качестве сочинения, наиболее полно выражающего понимание Европы в позднем славянофильстве, то есть в качестве славянофильского образа Европы. Показано отношение Ламанского к панславизму. Указывается, что Ламанский негативно относился к австрославизму, который он рассматривал в качестве попытки разъединения славян и обращения их против России, единственного подлинного защитника славянских интересов, по его мысли.

Ключевые слова: В. И. Ламанский, панславизм, австрославизм, политическое убийство, славистика, славянофильство, историософия

В конце 1883 года в Санкт-Петербурге был опубликован тысячестраничный том архивных документов на итальянском и латинском языках, сопровождаемый исследованиями на французском языке «*Secrets d'État de Venise: documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle*». Его автором был профессор Петербургского университета, славист Владимир Иванович Ламанский (1833–1914). В основу книги легли материалы из итальянских архивов, которые Ламанский собрал во время своей заграничной командировки 1868–1869 годов. Ламанский был направлен за границу для завершения работы над докторской диссертацией. Вернувшись в Россию, он в 1871 году благополучно защитил диссертацию «Об изучении греко-славянского мира в Европе», не прекращая подготовки к изданию собранных архивных документов. В итоге работа над сборником документов продолжалась в течение пятнадцати лет. В историю отечественной науки Ламанский вошел как создатель собственной научной школы. Благодаря более чем тридцатилетнему его преподаванию в Петербургском университете и деятельности его учеников, до Революции занимавших большинство славяноведческих кафедр в российских университетах, славянская история выделилась из области филологии и стала самостоятельной научной дисциплиной. Значителен вклад Ламанского в российскую этнографию. Около тридцати лет он возглавлял Этнографическое отделение Императорского Русского географического общества; издавал и редактировал лучший отечественный дореволюционный этнографический журнал «Живая старина» (1890–1912); по его проекту был открыт Этнографический музей. В Петербурге Ламанский был известен как убежденный последователь славянофилов. Он был одним из инициаторов проведения в 1867 году Славянского съезда в России; стоял у истоков Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, был его председателем (1879–1880) и редактировал «Известия» общества (1887–1888). Современные исследователи не безосновательно считают, что трактат Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) заложил основы геополитики как науки, а высказанные в нем идеи были впоследствии развиты европейцами. Однако сам Ламанский считал своей первостепенной заслугой перед наукой сборник архивных документов «Государственные тайны Венеции». Предисловие к этому изданию следует признать одним из главных идеологических текстов Ламанского, хорошо демонстрирующих эволюцию отечественного славянофильства.

Сразу же после публикации Ламанский начал получать отзывы на книгу. Часть из них принадлежала его единомышленникам (Н. Я. Данилевский), которые давали оценки в основном в частных письмах. Но столь фундаментальный труд был замечен и учеными: на книгу Ламанского имеются отзывы как в русской, так и в зарубежной печати. Последнее объясняется тем, что значительную часть тиража Ламанский раздарил коллегам-ученым и политическим деятелям, в том числе передал экземпляр императору Александру III. До нас дошли отдельные ответы-благодарности за подаренную книгу. Так, Н. Я. Данилевский писал Ламанскому 31 января 1885 года:

Душевно благодарю Вас за присылку огромного труда Вашего. К сожалению большая часть его оказались для меня *littera clausa*, по совершенному незнанию Итальянского языка, и по труду, с которым могу читать Латинский. Но введение Ваше прочел в первый же вечер, и что могу Вам сказать, чего наперед бы Вы не знали, то есть что совершенно разделяю мысли Ваши, только с некоторыми оговорками, состоящими в том, что я смотрю несколько менее оптимистически на дело и при том с двух сторон. Во-первых, хотя и не сомневаюсь в окончательной победе правого Славянского дела, но если дела пойдут так, как они пошли по сию со времени С. Стефанского прелиминарного мира, через Берлинский Конгресс, то должно опасаться, что много членов Славянства успеет погибнуть для Славянства, как много уже погибло, ко времени торжества Славянского дела. А во-вторых, хотя Европа и весьма различна, но есть одна общая точка соединения, которая соединит почти всех если не всех против России и Славянства, если захочет Россия выступить во главе его как освободительница и объединительница. Удивительная вещь — казалось бы Франция должна всеми мерами искать благорасположения России, и каково же было ее поведение на Берлинском Конгрессе, таково общественное мнение и теперь, а мы всячески все портим и портим. — Конечно иначе писать как Вы пишете да еще на французском языке, как пишут в Славянских известиях и писать нельзя, но признаюсь мой славизм или панславизм, который должен состоять не только в освобождении — в чем еще мало проку — доказательства Сербия и Болгария, но и в объединении не духовном только, а непременно и политическом, более военного и менее миролюбивого характера.

Многие места (французские) в книге Вашей я также прочел и радуюсь тому громкому обвинительному акту, который собрали против Европейской политики, чтобы не указывали спицы в чужом глазу, не заметив бревна в своем. Внутреннего состояния Венеции по обширности его еще не успел прочесть¹.

В 1891 году Ламанский отправил книгу «Государственные тайны Венеции» М. М. Ковалевскому, который в ответном письме признавался: «Я всячески искал ее у книгопродавцев, но мне не удавалось достигнуть моей цели; по всей вероятности она вне продажи. Я занят в настоящее время исследованиями по истории политических и административных учреждений Венеции, поэтому книга Ваша для меня целый клад»². Вероятно, основную часть экземпляров Ламанский передал отечественным и зарубежным славистам, поскольку, по его собственному признанию, «большой публике моя тяжеловесная и слишком специальная книга известна быть не может» (Ламанский, 1884: 2).

Тем не менее первые отзывы на книгу появились сразу после ее выхода. Так, уже в конце декабря 1883 года в газете «Новое время» была опубликована рецензия известного историка В. В. Бауэра. Ламанский был преемником Бауэра в должности декана историко-филологического факультета Петербургского университета

1. СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 509. Л. 1, 1 об., 2. Полностью письмо приводится в статье: Селиверстов, 2009: 122–123.

2. СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 1.

(он был избран деканом 11 марта 1883 года). Бауэр специализировался на всеобщей истории, в частности, истории Древней Греции, однако в рецензии он указывал на более широкий интерес, который может вызвать изданная Ламанским книга. По его словам, «в ней найдет удовлетворения и славист, и историк, и вообще всякий образованный человек; специалист — в документах и актах, почерпнутых из архивов, музеев, библиотек Венеции, в особенности из протоколов „Совета Десяти“; образованный человек — в исследованиях автора, написанных на основании этих документов» (Бауэр, 1883: 3). Вероятно, хорошо знакомый с ходом работ по подготовке к изданию документов, он объяснял, почему исследовательские очерки самого Ламанского в книге были написаны на французском языке. Дело состояло не только в том, что Ламанский адресовал свою книгу во многом (если не в первую очередь) европейским ученым. Первоначально он планировал сопроводить издание лишь краткими комментариями на французском языке, которые разрослись до самостоятельных статей (об этом Ламанский упоминал во французской версии своего предисловия). Согласно рецензенту, «предполагался сборник латинских и итальянских актов с краткими на французском языке примечаниями, более или менее общего интереса, невольно пришлось сохранить тот же язык и при превращении этих примечаний в самостоятельные исследования» (Там же: 3). Далеко не все архивные документы, привезенные Ламанским из Италии, вошли в изданный том; «автор поместил в свой сборник только такие ценные акты, которые по содержанию своему представляют важные дополнения к известным уже фактам или совершенно новое освещение их» (Там же: 3). Сам рецензент наиболее важным считал исследование о «центральном управлении и социальном положении в Венеции в XVI столетии» (Там же: 3). Заметка Бауэра не была рецензией в строгом смысле слова, а, скорее, анонсом нового издания. Получив книгу, он едва ли успел познакомиться со значительной частью опубликованных в ней документов и исследований.

Небольшой отклик на книгу поместили «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Ее автор Ф. М. Истомин — этнограф, секретарь возглавляемого Ламанским этнографического отдела Императорского русского географического общества — касался в основном «библиографической стороны» изданного труда, т. е. подробно описывал его оглавление. Рецензия не столько анализировала представленные в книге сюжеты и интерпретации, сколько информировала о ее содержании. По словам рецензента, опубликованные в книге материалы должны «осветить политические отношения знаменитой Венецианской республики к южному славянству, Далмации, Греции, Турции, — ко всему Леванту, бросить яркий свет на так называемый Восточный вопрос, стянувший в себе интересы мира Греко-Славянского и Романо-Германского, — и все это в период сильнейшего развития Венецианской республики — XV и XVI веков» (Истомин, 1882: 26). В конце рецензии Истомин выражал пожелание о переводе сборника на русский язык. Как и рецензию Бауэра, заметку Истомина следует считать анонсом книги, а не полноценной рецензией.

Более подробный разбор труда Ламанского был предпринят профессором Санкт-Петербургской духовной академии В. В. Болотовым. Его рецензия, опубликованная в июле 1884 года в «Церковном вестнике», скромно называлась «Библиографическая заметка». Он отмечал, что книга Ламанского будет интересна не только славистам, но и византинистам, экономистам, историкам церкви. Большинство документов, опубликованных в ней, — о тайных политических убийствах противников Венецианской республики, так что «отношения Венеции к славянству стоят в „государственных тайнах“ уже не на первом плане» (Болотов, 1884: 7). Впрочем, тем интереснее книга оказалась, вероятно, для самого рецензента. Болотов правильно воспринял главную мысль Ламанского: составить обвинительный акт, показать аморальность европейской политики и обосновывающей ее культуры. Исторические факты и подтверждающие их архивные документы не должны были оставить сомнений в справедливости выдвигаемых обвинений. Указывая на назидательное значение книги, рецензент подчеркивал, что отрицательные явления венецианской политики отнюдь не являются следствием грубости нравов или недостатков культурного развития. Напротив, они в первую очередь находили себе проводников в высших, наиболее образованных слоях общества. «Явление заслуживающее внимание моралистов, изучающих отрицательные стороны духовной жизни человека. В этой лаборатории разнообразных убийств и отравлений работала не темная шайка отверженцев общества, а высокоразвитые, избранные между избранными граждане Венеции, заседавшие в зале, украшенной изображением св. Девы и четырех богословских добродетелей», — замечал Болотов (Там же: 8). Более того, Венецианская республика не была в этом отношении исключением. По его словам, «в Венеции с логическим правом можно видеть... выпуклый образец нравов тогдашней западной Европы, а не беспримерное исключение» (Там же: 9).

Как историк церкви, Болотов не мог не обратить внимание на негативное влияние папства на европейское общество. «Утилитарным принципом проповедуемой им морали, заменившей чисто нравственное чувство любви внешним авторитетом, смещение царства Божия с царством мира сего, практикою индиктов, церковными мерами против врагов политических, этою манерою — разрешать поданных от всяких обязательств по отношению к отлученным государям, теорию цели, оправдывающей средства, папство ослабило в воспитанных им латино-германских народностях чуткую восприимчивость к чисто нравственному», — отмечал рецензент (Там же: 9). Однако он был не согласен с Ламанским в том, что масштабы политических убийств можно объяснить только влиянием папства. Для этого должны быть причины чисто венецианские. Здесь Болотов проводил аналогию между Венецией и Карфагеном, где власть «интеллигентного меньшинства» была установлена над менее культурным, многочисленным населением. Основную массу населения Венецианской республики составляли этнические греки и славяне, в то время как правление было в руках венецианцев. По его словам, «это был продолжительный опыт коммерческой операции на выгодном рынке, грандиозное историческое хищение со стороны меньшинства интеллигентных итальянцев, до-

статочно ловкого лишь на то, чтобы эксплуатировать эти чуждые ему элементы, но недовольно численного и сильного, чтобы ассимилировать их себе, претворить их в единство живого исторического организма, чтобы стать прочным ядром нового государственного образования» (Там же: 9). Таковы были «фальшивые устои» Республики Святого Марка. Болотов также отмечал ценные исследования Ламанского о центральном управлении и социальном состоянии Венеции в XVI веке, очерк истории отношений Венеции к Турции, включенные в книгу.

Две рецензии поместил на своих страницах «Журнал министерства народного просвещения», редактировавшийся Л. Н. Майковым. Первая из них принадлежала А. С. Лаппо-Данилевскому, в то время студенту историко-филологического факультета Петербургского университета. Это была первая публикация известного впоследствии академика. Позже судьба свела Ламанского с Лаппо-Данилевским в Академии наук, куда они были избраны почти одновременно (Лаппо-Данилевский в конце 1899 года адъюнктом, а Ламанский в январе 1900 года ординарным академиком). Обширный труд Ламанского оставлял рецензенту возможность выбора сюжетов, на которых стоило остановиться. И Лаппо-Данилевский обратился лишь к тем документам, которые касались «собственно русской истории». Он, в частности, приводил сведения о том, как венецианцы и римские папы искали союза с Москвой для привлечения ее к войне против турок, рассчитывая, что русские войска поддержат православное население Балкан и Кавказа, указывал на «умственное движение в западной Европе в пользу православия или греческой веры вообще» (Лаппо-Данилевский, 1884: 31), повторял факты о торговле турками и татарами русскими рабами.

В четырех номерах «Журнала министерства народного просвещения» была опубликована обширная рецензия декана историко-филологического факультета Варшавского университета А. С. Будиловича (впоследствии ректора Варшавского и Юрьевского университетов), составившая в общей сложности две сотни страниц. Строго говоря, это была не рецензия, а «краткий систематический обзор» (Будилович, 1884а: 317) опубликованных в сборнике Ламанского материалов, как охарактеризовал свою работу автор. Будилович был не только одним из первых учеников Ламанского, но и духовно и идейно близким ему человеком. Он следил за ходом работ Ламанского над архивными документами еще со времени командировки в Венецию и, можно с большой долей вероятности предположить, был посвящен в особенности подготовки их к изданию. Ламанский, скорее всего, знакомил его со многими документами еще в рукописи, делился с ним своими интерпретациями и исследовательскими гипотезами в личных беседах, возможно, не только обсуждал собранные материалы, но и искал советов у своего ученика. Иначе трудно объяснить, как такая подробная рецензия на тысячестраничную книгу, вышедшую в декабре, могла появиться уже в февральском номере журнала. Будилович, вероятно, начал готовить рецензию еще до выхода из печати самой книги.

Прежде всего, Будилович обратил внимание на язык книги. Изданная в Петербурге, она была напечатана на французском, латинском, итальянском языках.

Странное на первый взгляд впечатление производит на русского читателя французская книга профессора Ламанского. Ужели наш заслуженный славянист перешел в лагерь тех наших ученых, которые считают русский язык недостойным чести быть органом науки в высших специальных областях знания? Ужели он отказался от мысли о всемирно-историческом призвании этого языка, одушевлявшей его в течение 25-летней писательской деятельности? Ужели в сочинении, посвященном ученикам... учитель славяновед желал подать пример пренебрежения отечественным языком? (Там же: 316).

Вопросы, сформулированные Будиловичем, вовсе не случайны. Еще с конца 1850-х годов Ламанский активно выступал за русификацию отечественной науки, в частности, критикуя немецкоязычные издания Академии наук. В исследованиях о М. В. Ломоносове он подчеркивал его борьбу за русский язык как язык науки и высшей образованности и видел заслугу «первого русского академика» в попытке создания русского литературного языка. Более того, в историософской концепции Ламанского учение о русском языке как научном, литературном и дипломатическом языке всех славян занимает центральное место. Он доказывал, что условиями формирования самобытной культуры или цивилизации выступают в первую очередь политическая независимость и развитый литературный язык. На основе принятия русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического должно происходить сближение славянских народов. Политическая борьба цивилизаций постепенно заменяется конкуренцией языков, которые и становятся главной геополитической силой в современном мире. Концепция Ламанского о геополитической роли языка, вероятно, наиболее ценная и актуальная часть его научного наследия. Французским же языком своего предисловия и исследовательских очерков Ламанский, казалось бы, опровергал собственное учение.

Понимая недоумение, которое может вызвать язык сборника Ламанского, Будилович предлагал свое объяснение такого лингвистического противоречия. Сами архивные документы были изданы на языке оригинала (латинском или итальянском), а французский язык предисловия и очерков он считал результатом «авторской непредусмотрительности, в соединении с некоторыми особыми целями пропаганды» (Там же: 316). Французский язык позволял познакомить европейских читателей с той славянофильской интерпретацией европейской истории, которую предложил Ламанский, а может быть, и довести до их сознания исторические факты, свидетельствующие об аморальном характере самой европейской политики, как прошлой, так и настоящей. Можно вспомнить, что на французском языке писали свои сочинения П. Я. Чаадаев и С. С. Уваров, что, впрочем, оправдывалось их идейным и бытовым западничеством. Однако и славянофилы нередко прибегали к французскому языку. В этом отношении Будилович сравнивал исследования Ламанского с французскими брошюрами А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева и А. Ф. Гильфердинга. Пропагандистская цель, полагал он, особенно заметна в написанных по-французски предисловии, а также «этюдах» «О покушении на жизнь пап в средние

века в 16 в. и о борьбе латино-германского запада с греко-славянским востоком» (с. 379–396); «О политических низостях в западно-европейских государствах 16 в.» (с. 417–459); «О роли инородцев в старой Венеции и новой Австро-Венгрии» (с. 547–551); «О социальном положении Венеции в 16 в.» (с. 671–850) и др. На пропагандистские цели указывала и тенденциозность подборки архивных документов, задача которых состояла в том, чтобы «открыть изнанку западно-европейской жизни в век возрождения и гуманизма, в противоположность господствующему панегеризму западных историков этой блестящей эпохи» (Там же: 317).

При подготовке сборника Ламанский сделал выписки из около сотни томов документов из архивов dei Frari, библиотеки св. Марка, музея Коррер и фамильного архива гр. Дона. В основном в книге были использованы сведения из официальных документов (протоколов заседаний Сената и Совета Десяти Венецианской республики) и в меньшей степени — материалы из частных писем, статей, книг и т. п. Рецензент полагал, что в протоколах Совета Десяти даны менее искаженные факты, чем в протоколах Сената. Будилович указывал на неравномерность обработки материалов. В одних частях архивные документы были расположены хронологически, в других — тематически; какие-то сопровождалось обстоятельными исследованиями, какие-то — нет. Со своей стороны он особенно выделял «богатые мыслями и фактами трактаты его (Ламанского. — А. М.) о папстве (с. 357–396), о центральной администрации и социальном быте Венеции в XVI веке (с. 671–850)», а также предисловие, «где указана связь прошлого с настоящим в восточном вопросе» (Там же: 320).

Не обошел рецензент вниманием и особенности изложения и стиля самих документов, что придавало им дополнительную ценность. «Венецианские отчеты, — писал он, — вместо общих фраз и приблизительных расчетов, представляют самые точные описания и характеристики, сопровождаемые полными статистическими данными, и притом не в сухом схематическом изложении, а в виде живой картины, напоминающей Тициана и Веронезе по изяществу рисунка, мягкости и блеску колорита» (Там же: 322).

Как и другие рецензенты, Будилович отметил, что славянская тематика (ускоки³, сношения Венецианской республики со славянами и т. п.) отошла на периферию исследований Ламанского. Рецензент замечал, что «государственным тайнам Венеции» посвящена лишь треть сборника (156 страниц документов) в первой части и «незначительная часть второй серии».

Центр тяжести его книги лежит не в «государственных тайнах Венеции», а в новом освещении многих сторон так называемого «*восточного вопроса*», то есть истории культурных и политико-экономических отношений греко-славянского востока к романо-германскому западу в XV и особенно XVI веках. В этом же вопросе сбегаются, как в фокусе, и располагаются в своеобразном спектре лучи очень различных исторических светил: Рима первого

3. Ускоки — военные поселенцы в Хорватии XVI–XVII вв., в большинстве — беженцы из находившихся под властью турок югославянских земель.

и второго, а потом и третьего, папства и церкви соборной, империи западной и восточной, Европы и Турции, а затем Европы и России» (Там же: 318).

Будилович верно осознал, что приводимая в сборнике фактография служит иллюстрацией историсофской концепции Ламанского о противостоянии двух цивилизационных миров: романо-германского и греко-славянского. Строго говоря, сам отбор документов проводился Ламанским с целью подтвердить историческими фактами свое философско-историческое учение. Закрывать глаза на изложенные в источниках факты нельзя, а значит, придется принять и обобщения, сделанные Ламанским. Более того, Ламанский отнюдь не считал, что «восточный вопрос» уже решен и достоин только исторического изучения. «Восточный вопрос», согласно его интерпретации, — это вопрос о границах романо-германского и греко-славянского миров. Собственно «восточным» он является для романо-германцев. Для славян же — это «западный» вопрос, поскольку на севере, востоке и юге (правда, с некоторыми оговорками, поскольку Ламанский относил к греко-славянскому миру и западную Сирию) границы греко-славянского мира в основном совпадают с границами Российской империи, в то время как на западе эта граница окончательно не определена. Однако Ламанский, считал рецензент, не впадает в субъективизм, не доходит до крайних проявлений авторского произвола. Будилович достаточно высоко оценивал критические приемы своего учителя. «Мы не видим в его этюдах ни поспешных обобщений, ни не соразмерности выводов с данными; наоборот, всюду встречаем следы строгого научного самообладания и благородной сдержанности», — заключал он (Там же: 322). Можно добавить, что и с самими выводами рецензент был вполне солидарен.

Значительная часть опубликованных в книге материалов была посвящена политическим убийствам в XV–XVIII веках. Будилович сравнивал донесения, протоколы и другие документы, опубликованные в сборнике, с исповедью политических грехов Венеции. Политические убийства, ставшие в истории Венеции обыденным явлением, можно назвать, полагал он, общественной болезнью Республики Св. Марка. По его словам, это «факт тяжелой общественной болезни, — болезни ума, чувства, воли, особенно же совести. Объяснение причин этой болезни составляет одну из любопытнейших задач в истории западно-европейских обществ и государств» (Там же: 324). Ламанский постарался определить эти причины:

Основным их источником профессор Ламанский считает утилитарную и казуистическую мораль лагинской церкви (с. 809), которая подала государям и пример политических убийств, объявляя опальными и разрешая, даже благословляя всевозможные насилия над отлученными от нее (церкви) лицами, областями и целыми народами (с. 810). <...> В Италии теория об «оправдании средств целью» и практика политических убийств развилась раньше и полнее лишь потому, что там был центр папизма, локализованный источник этой двусмысленной морали и этой развращающей церковно-политической системы; но и в других римско-католических землях эта система пустила глубокие корни (Там же: 337–338).

Одна из задач исследовательских очерков Ламанского состояла в том, чтобы проследить влияние папства на «восточный вопрос», а также «рассмотреть папство со стороны его *политической морали*, а равно и того *авторитета*, которым оно пользовалось тогда в Италии и инде⁴» (Будилович, 1884б: 286–287).

Вслед за Ламанским и сам Будилович возводил обвинения на институт римского первосвященника, видя в притязаниях римских пап причину и оправдание политических убийств. «Политические расчеты, — замечал он, — всегда превышали при папском дворе интересы христианства. <...> Папство было едва ли не первым учреждением, возведшим в *теорию смертоубийство* лиц ему непокорных или враждебных. <...> Иезуиты не изобрели, а лишь кодифицировали в своем катехизисе старое (с XI века) латинское учение об оправдании средств целью» (Там же: 289). Гордыня и властолюбие римских понтификов, благоприятные обстоятельства и политические таланты римских пап не только обременили церковь земным господством, но и накрепко связали ее с языческой в своем корне идеей империи.

Сила папства опиралась главным образом на слабостях человечества и умными ими пользоваться в Риме, в силу старой привычки повелевать, а равно и благодаря уму и характеру нескольких, действительно замечательных пап, каковы: Григорий VII, Александр III, Иннокентий III и др. (с. 808). Папство развилось на почве глубокого и давнего культурного контраста между европейским востоком и западом и из стремлений последнего покорить себе первый в экономическом, политическом, словом — в культурном отношении. Всемирные притязания папства находятся в органической связи с фикцией восстановления Римской империи на западе, причем для осуществления этой двойной фикции: а) всемирной римской империи и б) всемирной римской церкви, необходимо было их взаимное содействие. Папство было на востоке пионером Западной империи, а императоры — пионерами папства на том же востоке (Там же: 299).

Ламанский не считал политические убийства болезнью, поразившей только Венецию. Она была всего лишь следствием и частным проявлением искажения христианства в виде папства, поэтому в различной степени сказалась во всей Европе.

Однако мрачная картина морального упадка Европы в книге Ламанского перекрывается светлыми тонами греко-славянской народной стихии, сохранившей христианские идеалы.

Рисуя картину с очень темным и грустным фоном, — писал рецензент, — автор не оставляет читателя в жертву безнадежного разочарования в человеке и человечестве; над этими «повапленными гробами» всюду видно сияние христианского неба, «дождящего на праведных и неправедных», чувствуетеся теплое дыхание чисто христианской морали, примиряющей все противоречия жизни и прощающей врагов. Этот идеальный греко-славянский свод, раскинутый любовно над грубым реализмом западного мирозерцания, производит самое отрадное впечатление на русского читателя и мирит с ед-

4. Инде (устаревшее) — в другом месте.

ким юмором, который пронизывает все части нарисованной картины (Будилович, 1884а: 322–323).

Более того, документы сборника недвусмысленно показывали ту положительную роль, которую славяне, греки и албанцы играли в Венецианской республике в пору ее наивысшего расцвета. Из них в первую очередь набиралась армия и флот. Влияние «папизма» сказалось на характере и духовном состоянии итальянцев, утративших в силу этого качества, необходимые для воинов. «Эта шаткость политической и общественной морали не могла не отражаться и на духе италийского населения. Оно представляло, например, очень плохой материал для военной службы» (Будилович, 1884б: 285). Вся сила Венеции «заклучалась в грекославянских владениях ее» (Будилович, 1884в: 148). «Таким образом, — заключал Будилович, — не только внешним своим величием, успехами армии и флота, завоеванием многих областей в Италии, на Балканском полуострове и водах Леванта, но и домашним спокойствием обязана была республика главнейше ее славянским, албанским и греческим подданным» (Будилович, 1884а: 347).

Отличительной чертой исторических исследований славянофилов, как «ранних», так и «поздних», было стремление поставить историю в связь с современностью. Еще Хомяков в своем главном историософском труде «Семирамида» провозглашал: «Хотите узнать то что было, сперва узнайте то что есть». Так, исторические факты служили Ламанскому для обличения современной Европы, а понимание текущих явлений позволяло раскрыть смысл прошедших событий. Не удержался Ламанский и от сравнений, сопоставляя старую Венецию с Австро-Венгерской империей. Значительную часть населения обоих государств составляли славяне. В Австро-Венгрии, так же как в свое время в Венеции, латинствующая знать повелевала греко-славянскими низами. Однако сравнение выходило не в пользу империи Габсбургов. В рецензии Будилович указывал на положительное культурное влияние Венеции «на старую Далмацию», а главное — поддержку Турции «в тот тяжелый переходный период греко-славянской истории, когда старый ее представитель, Византия, сошла со сцены, а новый, Москва, еще недостаточно окрепла в материальном и духовном отношениях, для отражения с Востока „франков“ средневековых и ново-европейских» (Там же: 347). Он отмечал меньший «ее (Венеции. — А. М.) сервилизм в отношении к Риму» (Там же: 348). Венецианское правительство, преследуя преимущественно фискальные интересы, «не вторгалось так глубоко в юридический быт своих инородческих населений, как Австрия» (Там же: 348), а среди венецианских сановников «нередко встречаем людей истинно гуманных и беспристрастных даже к поработленным народностям и классам» (Там же: 348). Будилович не понаслышке знал о положении славян, в частности русских в Австро-Венгрии, поскольку был основателем Галицко-русского общества и зятем А. И. Добрянского, одного из лидеров австрийских русинов.

Будилович вслед за Ламанским недаром положительно оценивал историческую роль Турции на греко-славянском Востоке. После падения Византии Турция взя-

ла на себя роль защитницы интересов греко-славянского мира от посягательств германо-романских соседей. «Итак, — отмечал рецензент, — всего удивительнее и опаснее для Европы в Турции была не армия или флот, а совершенно отличный от западноевропейского социальный строй, отсутствие феодализма, барства, крепостного права, а в добавок еще прекрасная юстиция и администрация» (Будилович, 1884в: 153). Ламанский в своих публикациях приводил многочисленные примеры веротерпимости османов, о которой раздираемая религиозными войнами Европа XVI века не могла и мечтать, указывал на сербское происхождение правящей династии (от Мухаммеда II до Сулеймана Великолепного), на славянские корни многих представителей высшего руководства Турецкой империи, на сербский язык дипломатической переписки султанов и использование его в быту. Однако сношения с Западом разлагающе подействовали и на Турцию. Ламанский признавал «деморализующее влияние запада» и «шаткости морали», ориентирующейся на него знати.

«Сборник документов и этюдов», подготовленный Ламанским, содержал большое количество исторических фактов, ценных самих по себе в качестве документальных свидетельств, позволяющих по-новому взглянуть на историю известных событий, эпох, исторических личностей и государств. Однако значение книги Ламанского не только в этом. Предисловие и исследовательские очерки давали разъяснение того, что стоит за этими фактами, раскрывали смысл самих событий и указывали причины современных конфликтов. Согласно Ламанскому, современная ему политическая борьба является продолжением давнего цивилизационного антагонизма двух миров, представителями которых, с одной стороны, были империя Карла Великого и государства современного Запада, а с другой — Европа Кирилла и Мефодия, Византийская империя, Россия. К этому миру примыкает и Турция, вобравшая в себя и ассимилировавшая значительную часть греко-славянской стихии бывшей Восточной Римской империи. «Причина вражды Запада к России коренится... в различии, а отчасти и противоположности религиозного, политического, экономического и общественного строя мира греко-славянского, с одной стороны, и латино-немецкого, с другой. Это культурное различие обусловило их тысячелетний антагонизм, составляющий содержание и смысл и самого восточного вопроса. В этой великой борьбе главную роль пришлось играть с восточной стороны греко-славянской церкви (с 384 и сл.), а впоследствии — Русскому государству. В этом и заключается главнейшее всемирно-историческое значение первой и второго», — подытоживал Будилович (Будилович, 1884: 279). Сборник Ламанского раскрывал лишь отдельные эпизоды этого векового противостояния.

Содержательно изданные Ламанским документы и его собственные очерки продолжали то направление исследований, которое было заложено еще в его магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859). Они давали фактологическую основу его цивилизационной концепции, которая нашла отражение уже в ряде публикаций первой половины 1860-х годов, в докторской диссертации и позднем трактате «Три мира Азийско-Европейского матери-

ка» (1892). Работы славянофилов, в том числе книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», отдельным изданием вышедшая в один год с диссертацией Ламанского, отчасти подготовили русское образованное общество, как, вероятно, полагал Ламанский, к восприятию теоретической стороны его концепции. Надо заметить, что сама эта теория относилась к области литературного панславизма, не столь конфронтационного, как политический панславизм в духе Данилевского (Прокудин, 2018). Однако Ламанский питал иллюзию о возможности воздействовать и на сознание европейцев, продемонстрировав им реальность европейской истории. Он полагал, что, обрушив на головы европейских ученых всю фактографию своего тысячестраничного тома довольно убогистой печати, он если и не произведет переворот в их умах, то, по крайней мере, подготовит их к восприятию цивилизационного учения, разрабатываемого им и Данилевским. Французский язык исследований и предисловия должен был облегчить это восприятие.

Ламанский небезосновательно ожидал реакции европейских ученых на свой труд. Вскоре после выхода книги 24 декабря 1883 года он писал И. С. Аксакову: «Экземпляров у меня мало, и мне желательнее, чтобы книга больше распространялась за границу. В России экземпляров 200 останется. Это совершенно достаточно»⁵. А затем в том же письме продолжал: «Трудно, к сожалению, будет уследить за всеми европейскими отзывами. Многих статей и статей, вероятно, никогда не увижу. Но знаю, что книга моя рано или поздно вызовет на Западе самые разнообразные толки о России и об Европе и их взаимных отношениях и о внутренних раздорах и расколах европейских»⁶. Ламанский старался отслеживать реакцию европейской печати и отклики на свою книгу. Так, 29 октября 1884 года в письме своему ученику К.Я. Проту, годом ранее утвержденному экстраординарным профессором в Варшавском университете, он просил прислать публикации в газете «Правда»: «Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою. В еженедельной Варшавской газете *Pravda* (в Варшаве) в №№ 37 и 38 напечатан перевод части моего предисловия (*Secrets*) из *Revue Internationale*. Быть может появится и статья от редакции. Сделайте милость, приобретите №№ 37 и 38 и те, где будут напечатаны возражения и пришлите мне. Зимой будете, мы рассчитаемся. Я думаю через несколько времени написать ответ всем моим рецензентам, особенно Славянским для дальнейшего движения дела»⁷. Ламанский не безосновательно рассчитывал на дискуссию, поскольку в предисловии достаточно ясно высказал славянофильский взгляд на польский вопрос. Poleмика была родовой стихией славянофильства, зародившегося в агональной атмосфере московских кружков и салонов 1840-х — 1850-х годов. Славянофилы предпочитали выражать свои взгляды по ходу полемики с оппонентами или, отвечая на критические выпады в свой адрес, нередко сами (особенно А. С. Хомяков) провоцировали споры. В результате славянофилы не смогли исчерпывающим образом сформулировать свое учение. Славянофиль-

5. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 184 об.

6. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 184 об.

7. СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 6.

ство было лишено догматизма и оставляло простор для дальнейшего додумывания. Следующее поколение славянофилов, к которому принадлежал Ламанский, постаралось выразить основы их учения с большей определенностью. Одной из таких попыток и стало предисловие Ламанского.

В конечном счете именно «Государственные тайны Венеции» стали главным вкладом Ламанского в европейскую науку. Во французской рецензии на сборник в честь 50-летия научной деятельности Ламанского отмечалось, что русский ученый мало известен за пределами славянских стран, поскольку он имеет лишь одну публикацию на французском языке — «Государственные тайны Венеции» (Léger, 1909). В действительности Ламанский опубликовал две работы на французском языке: помимо «Государственных тайн Венеции» ему принадлежит достаточно большая статья в известном французском издании «Исторический журнал» (Lamansky, 1882), опубликованная до выхода в свет «Государственных тайн Венеции» и содержащая описание материалов, вошедших в первую часть его фундаментального труда. Ламанский поддерживал тесные связи с французскими учеными. В 1884 году его работа о Венеции была представлена в Академию надписей и изящной словесности⁸. В целом в своих исследованиях он соотносил свой подход со взглядами таких европейских ученых как Л. Демалатри (Wallon, 1899) и Р. Фюлен, которые работали в той же области, но не стремились при этом к историческим или геополитическим обобщениям, в чем можно усмотреть отличие Ламанского от европейской гуманитарной науки его времени, ориентированной на позитивизм.

Помимо французских, чешских и польских откликов на книгу Ламанского сразу после публикации «Государственных тайн Венеции» вышла рецензия и в немецком журнале «Historische Zeitschrift» (Hirsch, 1884). Данный отзыв не содержал никаких общих оценок труда Ламанского, однако рецензент высоко оценил проделанную работу: ввод новых источников по истории Венеции и освещение малоизвестных подробностей деятельности венецианского Совета Десяти, а также других государств Европы того времени. Рассматриваемая рецензия — один из первых западноевропейских откликов на труд Ламанского. Следует сказать, что Ф. Хирш — рецензент — обратил внимание на собственно историографическую сторону работы, совершенно не затронув философию истории. В этом отношении адресат работы Ламанского оказался глух к основному мотиву его книги — показать отношение Запада к греко-славянскому миру, их исконную враждебность и несовместимость, а также лицемерность и неискренность европейской политики, основанной по сути на ложных религиозных принципах. Европейцы восприняли лишь фактографическую, иллюстративную часть «Государственных тайн Венеции». Причем этот подход можно проследить и в историографии XX века. В этом отношении можно сказать, что «Государственные тайны Венеции» остались неуслышанным голосом восточного славянства в Европе.

8. См.: Livres offerts. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 28e année. 1184. № 1. P. 146.

В 1895 году Ламанский, уже будучи «заслуженным профессором», т. е. получающим пенсию, равную окладу ординарного профессора, искал дополнительную денежную «аренду», которую надеялся получить от министерства народного просвещения. Л. Н. Майков взялся ходатайствовать по этому делу перед министром И. Д. Деляновым, который со своей стороны поддержал предложение Майкова и вызвался подготовить документы для министра государственных имуществ, от решения которого зависело увеличение пенсии. Майков запросил у Ламанского более точные сведения, чтобы составить записку о его ученых трудах. 27 октября 1895 года Ламанский отправил Майкову письмо, в котором перечислял свои заслуги и главным образом указывал, что

кое-что для литературы и науки я сделал (сужу по отзывам посторонним, русским и иностранным). Хотя бы по истории Венеции (XV–XVI) и англ<ийские>, и франц<узские>, и немец<кие> настоящие ученые признали печатно мою книгу важным и необходимым пособием, греч<еские> ученые с Ион<ических> о-в (Корфу) мне прислали благодарственное письмо и довольно редкую книгу в подарок (Crela Saera). Венецианцы очень были злы и обижены, что я раскрыв грехи царицы Адриатики, но без всякого даже ведома моего — я узнал случайно — выбрали меня в числе очень немногих иностранцев Sorio в новооснованное незадолго перед выходом моего труда Societa' di storia patria. Совершенно хладнокровно и спокойно могу сказать на основании данных и примеров, что везде в Европе, кто хочет серьезно говорить о политической ли нравственности (в XV–XVI–XVII в.), о Восточном ли вопросе (XV–XVI), о Карле ли V (после победы его над Франциск<ом I> и его успехах в Италии) о походе Солимана в Венгр<ию> и под Вену, о государственном строе Венеции и особенно о роли Совета X в республике — всегда прочтут и вспомнят известные страницы моей книги и мои заметки о внутр<енней> истории Венеции. Все там мною об этом написанное впервые и с полною доказательностью — значительно продвинуло понимание многих крупных явлений тогдашней великой эпохи и представило не мало совершенно нового после Ранке, Мишле, да Лева (Ламанский, 2009: 205–206).

Надеясь получить дополнительную «аренду» к пенсии, Ламанский указывал на «Государственные тайны Венеции» как на главную свою заслугу перед наукой и на положительные отклики в европейском ученом мире. В написанном по тому же поводу письме К. П. Победоносцеву он признавался: «Итальянские, французские, английские, немецкие, греческие и славянские учёные в своих журнальных отзывах и в письмах ко мне единогласно признавали, что труд мой о Венеции внёс в историческую науку много нового и составляет одно из необходимейших пособий для изучения Венеции в XVI веке и ея отношений к Греко-славянскому востоку или к так называемому Леванту»⁹.

Содержание «Государственных тайн Венеции» ясно из приведенного обзора рецензий и публикуемого предисловия. С внешней стороны сборник, подготов-

9. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 4 об.

ленный Ламанским, — труд чисто исторический. Однако сам ученый воспринимал его и как политический трактат, ставил собранные в нем исторические факты в один ряд с современными событиями. Из предисловия и исследовательских очерков Ламанского не всегда понятно, кто их пишет: историк или политический мыслитель. Еще в своей магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», удостоенной Академией наук половиной Демидовской премии, он считал тождественным исторический и политический смыслы, легко переходил от исторических фактов к событиям почти злободневным. История для него, следуя завету Цицерона, была учительницей жизни.

Тексты Ламанского, опубликованные в «Государственных тайнах Венеции», наполнены явными аналогиями, любопытными параллелями или хотя бы намеками на известные политические события. В современной политике он усматривает проявление давних исторических антагонизмов и противоречий, например, борьбу гвельфов с гибеллинами, только в ином облики и новых условиях. Он видит сходство положения клонящейся к упадку современной ему Турции и Византийской империи в канун Четвертого крестового похода; типологически сближает отношение папы Льва XIII к западным славянам и империи Габсбургов с отношением Григория X к Оттокару I и Рудольфу I, проводит аналогию Четвертого крестового похода (1204) с предрекаемой им мировой войной; рифмует средневековые происшествия с политикой XIX века. В своих текстах Ламанский предстает не только как дотошный архивный исследователь, но и как философ истории. В этом отношении он сродни Чаадаеву, призывавшему творить суд над историей и историческими деятелями. Многие идеи его трактата «Три мира Азийско-Европейского материка», который Ламанский относил к области политической географии, уже заложены в предисловии к «Государственным тайнам Венеции». Из этого предисловия, можно сказать, вырастает та наука, которую полтора десятилетия спустя нарекут геополитикой.

Историософские интерпретации, задающие метаисторический взгляд, но в то же время привязанные к современной политике, указывают на еще один исток или пример, на который мог ориентироваться Ламанский, работая над предисловием к «Государственным тайнам Венеции», — политические статьи Ф.И. Тютчева, писавшиеся для незавершенного трактата «Россия и Запад». Ламанский был близко знаком с Тютчевым и, судя по сохранившимся в письмах отголоскам, вел беседы прежде всего на политические темы. Тютчев делился с Ламанским не только своим видением политической ситуации в Европе, но и фактами, известными ему благодаря дипломатической службе, а также мнениями, которые имели хождение в руководстве государства.

Славянофильская философия истории эволюционировала от религиозной историософии к политической географии. Взгляды Ламанского хорошо демонстрируют этот переход, сочетая как религиозную интерпретацию истории, так и географический детерминизм. Уже в своей вступительной лекции в университете в 1865 году он прямо провозгласил себя последователем «московского кружка».

Характер господствующего мышления и культуры, как полагал еще И. В. Киреевский, зависит от характера господствующей веры. А. С. Хомяков в историсофском труде «Семирамида» предлагал деление народов в истории по верам. Ламанский фактически воспроизводил онтологизирующее учение славянофилов о «цельной личности» и «верующем разуме».

Сверх знания научного и диалектического человечество обладает еще другим знанием внутренним, или верою, в разных степенях ее развития. Одно без другого не полно, односторонне. Одно постигает вещи и явления, проникает в их сущность, другое познает только законы явлений и их взаимные отношения... Научное знание верою начинается и к вере приводит. <...> Оно к вере приводит потому, что познает одни законы явлений и их отношения, а не самые явления. Таким образом оно сознательно приходит к необходимости внутреннего знания, *чаяния невидимого как бы видимого*, или Веры в ее высшем смысле.

При таком значении Веры для духа человеческого понятно, что все когда-либо известные цивилизации всегда были и будут находиться в теснейшей связи с системами народных верований, всегда бываюи ими проникнуты и одушевлены. Вера человека — это он сам; Вера народа — сам народ (Ламанский, 1865: 3).

В предисловии к «Государственным тайнам Венеции» он по-славянофильски заявлял, что вера определяет характер народа и служит началом объединяющим. Современная же Европа в религиозном отношении разделена, поэтому, утратив единство, она впала в национализм. Однако национализм таит в себе убеждение в исключительности одного народа, которая может быть оправдана лишь силой, а значит, несет в себе разрушительный, антикультурный и антисоциальный потенциал. Расколы в современной Европе имеют культурно-исторические и религиозные корни.

Угрозу будущего столкновения России с Германией он видел в причинах не столько политических, сколько религиозных и культурных. В частности, Ламанский полагал, что к конфликту с Германией Россию подталкивают силы, поддерживающие политические притязания католической церкви. Столкновение протестантской Германии с Россией намеренно провоцируется для их взаимного ослабления и торжества политического латинства, негативные примеры которого (политические убийства и проч.) в изобилии представлены в сборнике Ламанского. Эти политические притязания не исчезли, а их методы не стали более гуманны по сравнению с поздним Средневековьем.

Одним из примеров столь же аморальной и в основе своей антихристианской политики для Ламанского служит учение австрийского панславизма, всеобщность (*пан*) которого на самом деле означает противопоставление славян-католиков православным славянам. Австрийский панславизм пропагандирует общность интересов славян и латинства (католицизма), в противоположность протестантской Германии и православному Востоку. Он разделяет ради того, чтобы властвовать.

Иное дело панславизм, которым часто пугают западных и южных славян их романо-германские хозяева. Греко-славянский или Средний мир объединяет не кровь, не общее происхождение, а мировоззрение, вера, поэтому русским нередко оказываются ближе православные греки или румыны, чем многие славяне-католики. Задача панславизма в отношении славян-католиков состоит в том, чтобы подчеркивать то, что их сплавивает, а не разделяет, в том числе и в церковной сфере. Примером такого единства является христианская церковь, основанная в славянских землях св. Кириллом и Мефодием, допускавшая славянский язык в богослужении, впоследствии замененный католической церковью на латинский язык. Интерпретация значения роли религии в жизни народов вписывается в более широкий *восточный вопрос* или вопрос о границах славянского и романо-германского мира. Он же включает в себя и проблему освобождения южных славян от турецкого владычества и сильно политизированный польский вопрос. Историческое истолкование польского вопроса приводило Ламанского к анализу конфликта православной и католической культур, их взаимных отношений и исторических претензий (униатский вопрос и т. п.). Он ратовал за воссоединение польских земель, вошедших в состав не только России, но и Пруссии и Австрии, и за самостоятельное политическое существование польской нации при условии ее отказа от колонизации русских в Галиции и не препятствия воссоединению Карпатской Руси с основной частью русского народа. Ламанский не был сторонником славянофильского принципа «Один народ — одно государство», которого, например, придерживался Данилевский. Он проводил различие народов на исторические и неисторические. Самостоятельное государство наравне с развитым языком, признаком которого является богатая литературная традиция, указывают на самобытную культуру. Только народ, сумевший выработать такую культуру, есть народ исторический.

Проявления австрийского панславизма направлены на самом деле не только против России, но и против всего славянства. Его цель — не объединять, а разделять, противопоставлять, проводить границы, обострять противоречия и реанимировать исторические обиды. Чехи, живущие преданиями германской империи, хорваты, во имя национального возрождения преследующие православное население, — факты, достойные сожаления и подрывающие единство греко-славянского мира. Лукавый австрийский панславизм питает исторические мифы о былом величии и поддерживает национальные иллюзии славянских народов о своей исключительности. Это все «волшебные слова», как их называет Ламанский, призванные ослабить славянство, поддерживать в нем центробежные, а не центростремительные силы, сохранять партикуляризм вместо единства. «Романизм», полагал Ламанский, «через иезуитов расслабил и развратил Словенцев, Хорватов и Поляков».

Впрочем, признавая значение религии в истории и жизни народов, Ламанский все же решающую роль отводил языку, как средству интеллектуального и культурного сближения славян. Объединительную роль должна взять на себя не Россий-

ская империя, а русский язык как общий литературный, дипломатический и научный язык славян. Ламанский специально подчеркивал, что Россия не нуждается в территориальных приобретениях; ей нужны силы, чтобы обжить и обустроить уже занятые пространства. Россия — это «целый континент», а не обычная отдельная страна, это единство различных народов, скрепляемое верой, мировоззрением, психологией и общим литературным и научным языком, а не просто политическая нация. К ней примыкает и та часть народов, которые не являются собственно Европой или Азией, и которые Ламанский относил к греко-славянскому или Среднему миру. От представителей этого мира Россия ждет лишь «доверия и дружбы», не претендуя на их земли. Средний мир обладает своим «географическим единством», а именно материковым характером, доминированием равнинных территорий над горными, меньшей связью с морем, и этим он отличается от Европы. Полнее эти мысли были развиты Ламанским в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка».

Сборник Ламанского имеет посвящение «Добрым приятелям и милым друзьям», которое воспроизведено и в газетной публикации предисловия. Это единственный русскоязычный текст в «Государственных тайнах Венеции». В нем перечислены в первую очередь ученики Ламанского: Ф. Ф. Зигель, А. Г. Семенович, А. С. Будилович, Ю. С. Анненков, Ф. И. Успенский, Г. А. Воскресенский, Р. Ф. Брандт, В. Н. Малинин, К. Я. Грот, И. И. Соколов, Т. Д. Флоринский, С. Л. Пташицкий, М. И. Соколов, П. А. Сырку, И. Ф. Анненский, В. Э. Регель, И. С. Пальмов, Ф. М. Истомина, Г. М. Князев, В. А. Кракау, А. Л. Петров. Их упоминание не случайно, поскольку год выхода архивного сборника совпал с публикацией «Сборника статей по славяноведению, составленного и изданного учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности» (Зигель, 1883). Юбилейный сборник был важной вехой в становлении и утверждении «научной школы Ламанского». «Посвящение» Ламанского — ответный жест благодарности ученикам. В 1905 году был издан еще один юбилейный сборник (Зигель, 1905). Сборники демонстрировали преемственность исследовательской тематики Ламанского и его учеников, а в последнем издании уже и учеников его учеников, близость (но не идентичность) методологических установок, а иногда и расхождение идеологических позиций, что, впрочем, не мешало им относить себя к «школе Ламанского» (Аржакова, 2017: 177). Отличительной чертой «школы Ламанского» был обобщающий взгляд на историю и культуру славянских народов, утверждающий самобытность славянской цивилизации. «Государственные тайны Венеции» показывали, как этот цивилизационный подход может быть воплощен в работе над архивными материалами.

Конечно, столь долгий срок подготовки к печати, увлечение фактами, которые открывали архивные документы, не мог пройти бесследно и для других работ ученого. Из собранных исторических памятников он в первую очередь черпал материал для своих лекций, а также использовал его в некоторых публикациях и выступлениях. Ламанский был профессором славянской филологии, однако его

преподавательская деятельность сосредоточилась прежде всего на истории славянских народов. Ученому удалось добиться открытия отдельной кафедры (вакансии) по славянской истории в Петербургском университете, которую занял один из его учеников Н. В. Ястребов.

По мере подготовки к изданию архивных документов Ламанский обнародовал их содержание в отдельных выступлениях и публикациях. Можно указать, по крайней мере, один его доклад в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе о судьбе турецкого султана Джема (Ламанский, 1883: 49) и статью «Могущество турок османов в Европе». Статья явно написана на основе собранных архивных материалов, но касается сюжета, прямо не затронутого в «Государственных тайнах Венеции». Если в своем сборнике он приводил многочисленные факты участия славянского и греческого населения в жизни Венецианской республики, то в статье показал влияние славянской стихии на политическую жизнь Турецкой империи. Отчасти замысел статьи «Могущество турок османов в Европе» продолжал то направление исследований, которое было задано магистерской диссертацией Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», однако он привлекал уже новые источники.

В историософской концепции Ламанского Турции отводилась важная роль в истории греко-славянского мира. После падения Византийской империи Турция выступила защитницей интересов Среднего мира от посягательств романо-германской Европы. Вобрав в себя греческую и славянские стихии, Османская империя сама в значительной мере трансформировалась. «Христианские жены и матери предшественников Магомета II, — замечал Ламанский, — множество служивших у них христиан и ренегатов греков, славян, албанцев привили турецким властителям разные греко-славянские понятия и взгляды, научили ценить их способности и понимать их превосходство в иных отношениях над природными турками» (Ламанский, 1880: 9). Из греков и славян набирались моряки для турецкого флота, султанская гвардия-пехота, кавалерия, «из них же постоянно черпался и обновлялся весь личный состав высшей военной и политической администрации» (Ламанский, 1880: 11).

Под влиянием христианской стихии в исламе появились ереси, признающие Христа Богом и Спасителем. Да и сами «христиане в Турции пользовались тем равнодушием и терпимостью правительства и обывателей, которому, вообще говоря, могли завидовать иноверцы во всех христианских государствах XVI–XVII веков» (Ламанский, 1880: 12). В период расцвета Турецкая империя отличалась веротерпимостью и не преследовала инородцев. При этом Ламанский вовсе не идеализировал общественное устройство Турции, признавая «хищнические привычки» турецкого населения и насилие, которое оправдывалось исламом и стимулировалось войной (государство было основано завоеванием и жило войной и для войны). «Весь общественный строй турецкий был основан на рабстве», — писал он (Ламанский, 1880: 13).

Не мог Ламанский в статье не высказать и свою заветную мысль о цивилизационнообразующей роли языка и том историческом благе, которое приносят народы, сумевшие выработать самобытную культуру. «Прекрасна, живительна идея народности и в словесности и в общественной жизни народов и государств. Есть много прелести и задушевности в маленьких словесностях, как есть много удобства в маленьких государствах, живущих под охраною великих держав. Но есть и великое благо и предстоит крайняя нужда и в больших мировых цивилизациях, в мировых языках и в их хранилищах — великих мировых державах, представляющих интересы целых рас и особых культурных миров» (Ламанский, 1880: 23). Брошенный здесь укор «маленьким словесностям» и «маленьким государствам» направлен южным и западным славянам, пестующим свои партикулярные литературы и политические образования, которые в таком виде никогда не смогут достигнуть мирового уровня и обрести всечеловеческое значение. Более того, лишь приняв русский язык в качестве литературного и научного, был убежден Ламанский, они могут развивать свою культуру, избежать ассимиляции более успешными народами и даже политического поглощения. Язык, как показал еще К. С. Аксаков, в своем развитии отражает уникальный опыт духовного и социального развития народа (Безлепкин, 2017: 156). Маленькие славянские государства никогда не смогут сохранить самостоятельность и неизбежно попадут в зависимость от крупных цивилизационных центров. Такая же участь ждет их языки и литературы.

* * *

«Государственные тайны Венеции», безусловно, получили признание среди небольшого круга специалистов, но остались мало известны и мало доступны. Для наших современников сборник Ламанского и вовсе — научная экзотика, а на столь важное для понимания взглядов Ламанского предисловие к книге, как правило, не обращают внимания даже исследователи его творчества. Возможно, если бы сборник был переведен на русский язык, то он бы, повлиял не только на отечественных ученых, но и встретил сочувствие у образованной публики. Однако Ламанский намеренно адресовал свой труд европейцам, и он остался в большей степени фактом европейской, а не русской науки. Обращаясь к западной науке, Ламанский наивно надеялся удивить европейских ученых безнравственностью европейской политики. Сборник архивных документов он стремился превратить в морально-политический трактат. Однако преподанный им моральный урок едва ли был воспринят в Европе.

В то же время необходимо учитывать связь «Государственных тайн Венеции» с магистерской и докторской диссертациями Ламанского. В магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» он дал славянофильскую интерпретацию славянской истории, здесь — изложил славянофильский взгляд на историю европейскую. И прежде Ламанского славянофилы высказывали

свою точку зрения на западноевропейскую историю, видя в ней, как, например, К. С. Аксаков, проявление вражды, насилия, завоевания, рабства и грубой силы. Ламанский на архивных документах демонстрировал аморальность европейской истории и политики, ее антихристианское содержание. В определенном смысле его сборник служил ответом критикам Данилевского, обвинявшим его в маккиавелизме. Приводя в «России и Европе» многочисленные факты враждебного отношения европейцев к России, Данилевский полагал, что и Россия должна относиться к Европе враждебно. Его вывод гласил: «Чем хуже для Европы, тем лучше для России и славянства». Политика, которую Россия ведет в Европе (политика сдержек и противовесов, замирения Европы), вредит прежде всего самим славянам, потому что, как только Европа замирится, она начнет объединяться, а первыми, на кого нападет объединенная романо-германская Европа, будут славяне. Поэтому пока Европу раздражают противоречия и конфликты, Россия и славяне могут жить спокойно. Документы и факты, приводимые Ламанским, показывали, что аморальность, доходящая до отрицания христианских ценностей, — это стихия исторической жизни германо-романских народов, в первую очередь католических. Ее влияние, т. е. европеизация, способствовала разложению и Турецкой империи и, надо полагать, подразумевал Ламанский, столь же пагубно сказывается и на России. Русские западники, критикующие Данилевского, плохо знают настоящую историю Европы, идеализируют ее прошлое и боготворят настоящее.

Ламанский, безусловно, сознавал односторонность своих интерпретаций и архивных подборок. Столь же тенденциозен он был и в докторской диссертации «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе» (1871), обличавшей взгляды европейских ученых и публицистов на славянство. Однако его казалось бы очевидная «предвзятость» и «односторонность» были всего лишь методологическим приемом, который должен был раскрыть «идеальный тип» европейской цивилизации, в основе которой лежат антихристианские начала, противоречащие общечеловеческой морали.

В заключение приведем цитату из некролога Ламанскому, составленному академиком А. А. Шахматовым

Венецианское правительство нашло себе в лице В. И. Ламанского сурового прокурора: главную причину его политических ошибок он видит в отсутствии в нем честности и в наличии у него слишком большой уверенности во всемогуществе низменной стороны человеческой природы. Историческое исследование превращается в блестящий моральный трактат. Развернувшаяся перед В. И. Ламанским картина жестоких нравов вызывает в нем одну утешительную мысль: Западной Европе нельзя ссылаться на историю Византии или России для утверждения, что именно там, а не на западе человечество нашей христианской эры могло опускаться до крайних пределов варварства и низости (Шахматов, 1914: 1343–1344).

Литература

- Аржакова Л. М. (2017). Славистика в Санкт-Петербургском университете // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2. С. 172–184.
- Бауэр В. (1883). Новый труд В. И. Ламанского // *Новое время*. 28 декабря. № 2813. С. 3.
- Безлепкин Н. И. (2017). Лингвофилософия К. С. Аксакова // *Философский полилог*. № 2. С. 155–168.
- Будилович А. С. (1884а). Новые данные для истории восточного вопроса // *Журнал министерства народного просвещения*. № 2. С. 316–448.
- Будилович А. С. (1884б). Новые данные для истории восточного вопроса // *Журнал министерства народного просвещения*. 1884. № 4. С. 285–299.
- Будилович А. С. (1884в). Новые данные для истории восточного вопроса // *Журнал министерства народного просвещения*. 1884. № 5. С. 147–166.
- Будилович А. С. (1884г). Новые данные для истории восточного вопроса // *Журнал министерства народного просвещения*. 1884. № 6. С. 240–280.
- Зигель Ф. Ф. (ред.). (1883). Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб.: тип. Имп. Акад. наук.
- Зигель Ф. Ф. (ред.). (1905). Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб.
- Истомин Ф. М. (1882). Новый труд В. И. Ламанского // *Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества*. № 1. С. 26–27.
- Ламанский В. И. (1865). Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М.: Бахметьев.
- Ламанский В. И. (1880). Могущество турок османов в Европе // *Исторический вестник*. Т. II. С. 5–23.
- Ламанский В. И. (1883). Турецкий царевич Джем (читано в заседании СПб. славянского благотворительного комитета 14 февраля 1870 г.) // *Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг.* СПб.: А. М. Котомнин и Ко.
- Ламанский В. И. (1884). О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб.: Е. Евдокимов.
- Ламанский В. И. (2009). Письмо В. И. Ламанского Л. Н. Майкову // *Вече: журнал русской философии и культуры*. Вып. 19. С. 205–209.
- Лаппо-Данилевский А. С. (1884). Из старинных сношений России с западною Европой // *Журнал министерства народного просвещения*. № ССXXXIII. С. 21–38.
- Прокудин Б. А. (2018). Панславизм в истории политики и мысли России XIX века. М.: Изд-во МГУ.

- Селиверстов С. В.* (2009). «...я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского в 1860–1880-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 35. С. 116–125.
- Шахматов А. А.* (1914). Владимир Иванович Ламанский. Некролог (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А. А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии Наук. Серия 6. Т. 8. № 18. С. 1339–1352.
- Hirsch F.* (1884). *Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle* by Vladimir Lamansky // *Historische Zeitschrift*. Bd. 52. H. 2. P. 373–379.
- Lamansky V.* (1882). L'assassinat politique a Venise du XV-e au XVIII-e siècle // *Revue Historique*. T. 20. № 1. P. 105–120.
- Léger L.* (1909). Recueil d'articles en l'honneur de V.-J. Lamansky à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts scientifiques // *Journal des savants*. № 4. P. 187–188.
- Wallon H.* (1899). Notice sur la vie et les travaux du comte Jacques-Marie-Joseph-Louis de Mas-Latrie // *Bibliothèque de l'école des chartes*. T. 60. P. 617–639.

A Russian Slavophile in a Quest for Europe: The Images of Russia and Europe in V. Lamansky's book *State Secrets of Venice*

Alexey Malinov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University
Address: Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, Russian Federation 199034
E-mail: a.malinov@spbu.ru

Victor Kupriyanov

Candidate of Philosophical Sciences, Research Associate, Saint Petersburg Branch of S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences
Address: Universitetskaya Nab., 5, Saint Petersburg, Russian Federation 199034
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

The main focus of the article is a detailed reconstruction of the reception of *State Secrets of Venice*, the main historiosophical work by V. Lamansky. The article also provides comments on *State Secrets* received from Russian and foreign researchers. On the basis of the review written by A. Budilovich, the article gives a detailed exposition of Lamansky's work. It is shown that although Lamansky's work is formally aimed at the reconstruction of the history of political assassination in Venice in the XV–XVIII centuries, it emphasizes the new elucidation of the Eastern Question as reduced to the problem of Russian and European relations. The facts given in the work are only valuable as a means of the illustration of the idea of the profound controversy between the Romano-Germanic and Greek-Slavic worlds. On this point, the authors demonstrated the continuity between the historiosophy of the early Slavophiles (firstly A. Khomiakov) and Lamansky's historical methodology. It is shown that both early- and later-Slavophiles considered the historical problematics as based

on the actual cultural situation. The article proves that Lamansky's *State Secrets of Venice* is rather of the political type; it strives to give a moral conviction of European politics, that is, to show Europe in its own true image. In this regard, the authors consider *State Secrets of Venice* as a work which more fully expresses the later-Slavophile conception of Europe. The article also shows Lamansky's relation to pan-slavism. It is noted that Lamansky regarded Austro-slavism negatively; he understood it as an attempt to drive Slavs apart and to turn them against Russia, which, in his opinion, is the only true defender of Slavic interests.

Keywords: Lamansky, panslavism, Austro-slavism, political assassination, Slavic studies, Slavophilism, historiophy

References

- Arzhakova L. (2017) Slavistika v Sankt-Peterburgskom universitete [Slavic Studies in Saint Petersburg University]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no 2, pp. 172–184.
- Bauehr V. (1883) Novyj trud V. I. Lamanskogo [The New Work by V. I. Lamansky]. *Novoe vremya*, no 2813, p. 3.
- Bezlepkin N. (2017) Lingvofilosofiya K. S. Aksakova [K. Aksakov's Philosophy of Language]. *Filosofskij polilog*, no 2, pp. 155–168.
- Bolotov V. (1884) Bibliograficheskaya zametka [A Bibliographical Remark]. *Tserkovny vestnik*, no 29, pp. 6–9.
- Budilovich A. (1884) Novye dannye dlya istorii vostochnogo voprosa [The New Sources for the History of the Eastern Question]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no 2, pp. 316–448.
- Budilovich A. (1884) Novye dannye dlya istorii vostochnogo voprosa [The New Sources for the History of the Eastern Question]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no 4, pp. 285–299.
- Budilovich A. (1884) Novye dannye dlya istorii vostochnogo voprosa [The New Sources for the History of the Eastern Question]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no 5, pp. 147–166.
- Budilovich A. (1884) Novye dannye dlya istorii vostochnogo voprosa [The New Sources for the History of the Eastern Question]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no 6, pp. 240–280.
- Hirsch F. (1884) Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices at études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle by Vladimir Lamansky. *Historische Zeitschrift*, vol. 52, no 2, pp. 373–379.
- Istomin F. (1882) Novyj trud V. I. Lamanskogo [The New Work by V. I. Lamansky]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, no 1, pp. 26–27.
- Lamansky V. (1865) *Vstupitel'noe chtenie docenta Peterburgskogo universiteta V.I. Lamanskogo [The introductory lecture of the docent of the St. Petersburg University V.I. Lamansky]*. Moscow: V tipografii Bahmet'eva.
- Lamansky V. (1880) Mogushchestvo turok osmanov v Evrope [The power of Ottoman Turks in Europe]. *Istoricheskij vestnik*, vol. II, pp. 5–23.
- Lamansky V. (1882) L'assassinat politique a Venise du XV-e au XVIII-e siecle. *Revue Historique*, vol. 20, no 1, pp. 105–120.
- Lamansky V. (1883) Tureckij carevich Dzhem [Turkish Sultan Cem]. *Pervye 15 let sushchestvovaniya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva po protokolam obshchih sobranij ego chlenov, sostoyavshihsiya v 1868–1883 gg.* [First 15 Years of the Existence of Saint Petersburg Slavic Charity According to the Minutes of the General Assemblies of Its Members in 1868–1883], Saint Petersburg: Saint Petersburg Slavic Charity, p. 49.
- Lamansky V. (2009) Pis'mo V. I. Lamanskogo L. N. Majkovu. *Veche: zhurnal russoj filosofii i kul'tury*, no 19, pp. 205–209.
- Lappo-Danilevsky A. (1884) Iz starinnyh snoshenij Rossii s zapadnoyu Evropoj [From the Old Relations of Russia with Western Europe]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no 233, pp. 21–38.

- Léger L. (1909) Recueil d'articles en l'honneur de V.-J. Lamansky à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts scientifiques. *Journal des savants*, 7e année, Avril, pp. 187–188.
- Prokudin B. (2018) *Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka* [Panslavism in the History of Russian Politics and Thought in the 19th Century], Moscow: MSU.
- Seliverstov S. (2009) "...ya smotryu neskol'ko menee optimisticheski": k voprosu ob intellektual'nyh vzaimootnosheniyah N. Y. Danilevskogo i V. I. Lamanskogo v 1860–1880-e gody ["My View is Slightly Less Optimistical": Toward the Question of the Intellectual relationships of N. Danilevsky and V. Lamansky in the 1860s–1880s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no 35, pp. 116–125.
- Shakhmatov A. (1914) Vladimir Ivanovich Lamanskij: Nekrolog [Vladimir Ivanovich Lamansky: Obituary]. *Izvestiya Imperatorskoj Akademii Nauk*, vol. 8, no 18, pp. 1339–1352.
- Wallon H. (1899) Notice sur la vie et les travaux du comte Jacques-Marie-Joseph-Louis de Massalatrie. *Bibliothèque de l'école des chartes*, vol. 60, pp. 617–639.
- Zigel F. (ed.) (1883) *Sbornik statej po slavyanovedeniyu, sostavlennyj i izdannyj uchenikami V. I. Lamanskogo po sluchayu 25-letiya ego uchenoj i professorskoj deyatel'nosti* [Collected Articles on Slavic Studies, Compiled and Published by the Students of V. I. Lamansky on the Occasion of the 25th Anniversary of His Academic and Teaching Career], Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Zigel F. (ed.) (1905) *Novyj sbornik statej po slavyanovedeniyu, sostavlennyj i izdannyj uchenikami V. I. Lamanskogo pri uchastii ih uchenikov po sluchayu 50-letiya ego ucheno-literaturnoj deyatel'nosti* [A new collection of articles on Slavic studies, compiled and published by students of V. I. Lamansky with the participation of their students on the occasion of the 50th anniversary of his scientific and literary activities], Saint Petersburg.